

Н. Н. [=Лебедев А. П.] О проповедническом слове
(библиографическая заметка). [Рец. на:] 1. *Амвросий [Ключарев]*,
архиеп. Харьковскій. Живое слово. Харьков. 1892; 2. *Schuster,*
Dr. Die Vorbereitung der Predigt. 2—e Auflage. Stuttgart, 1892 //
Богословский вестник 1892. Т. 3. № 12. С. 482—499 (2-я пагин.).

О ПРОПОВѢДНИЧЕСКОМЪ СЛОВѢ.

(библиографическія замѣтки).

1) Преосвящ. Амвросія, архіеп. Харьковскаго: „Живое слово“. Харьковъ, 1892.

2) Schuster, Dr. theol. Generalsuperintendent und Konsistorialrat: Die Vorbereitung der Predigt 2-te Auflage. Stuttgart, 1892.

Одновременно появилось два сочиненія: одно на русскомъ языкѣ, принадлежащее перу знаменитаго нашего проповѣдника преосвящ. Амвросія, а другое на нѣмецкомъ, написанное виднымъ протестантскимъ духовнымъ лицомъ, Шустеромъ. Оба сочиненія имѣютъ много общаго между собою. Прежде всего тема у авторовъ одна и таже: они имѣютъ въ виду проповѣдниковъ, поучающихъ христіанскимъ истинамъ съ церковной кафедры. Далѣе, какъ сочиненіе русскаго автора, такъ и сочиненіе нѣмецкаго писателя не представляютъ собой произведеній такъ называемаго ученаго характера: въ нихъ не встрѣчается выспреннихъ академическихъ разсужденій о значеніи и назначеніи проповѣди, обильныхъ цитатъ по исторіи проповѣди; они имѣютъ въ виду цѣль практическую—дать совѣты: *какъ* лучше всего проповѣдывать съ кафедры церковной. Свои наставленія и разъясненія оба автора основываютъ на опытѣ: преосвящ. Амвросій на своемъ личномъ многолѣтнемъ и блестящемъ опытѣ, а нѣмецкій писатель преимущественно на опытѣ многихъ современныхъ протестантскихъ проповѣдниковъ. Но при всемъ томъ, результаты, къ какимъ приходятъ оба писателя—далеко неодинаковы. Нашъ русскій авторъ, какъ

оказывается, возлагаетъ больше надеждъ и требованій по отношенію къ проповѣднику, желающему дѣйствительнаго успѣха и вліянія, чѣмъ писатель нѣмецкій, пишущій для страны, которая можетъ быть названа классической страной проповѣди.

Познакомимся же: въ чемъ заключаются результаты, къ какимъ приходятъ двое авторовъ, разсуждая объ одномъ и томъ же вопросѣ. Напередъ однакожь должны сказать, что въ критику результатовъ, добытыхъ указанными богословами, пускаться мы не будемъ, такъ какъ пишущій эти строки не принадлежать къ проповѣдникамъ, и не имѣетъ отношенія къ гомилетической наукѣ. Интереснѣе критики самыя результаты, къ какимъ приходятъ разсматриваемые авторы. Впрочемъ мы не отказываемся сдѣлать нѣсколько замѣчаній, какъ уясняющихъ: отчего происходитъ вышеуказанная разница въ результатахъ, такъ и выражающихъ наши *ria desideria* по отношенію къ болѣе успѣшному развитію проповѣдничества въ нашемъ отечествѣ.

Преосвящ. Амвросій въ его „Живомъ словѣ“ пишетъ: „укажемъ... черты различія между словомъ устнымъ и писаннымъ, — обнаруживающіяся въ практикѣ относительно говорящаго и слушателей. У насъ смѣшиваютъ и одинаково называютъ *живымъ словомъ* рѣчи, писанныя дома, заученныя наизусть и потомъ произнесенныя въ собраніяхъ, — и рѣчи совсѣмъ неписанныя, иногда только дома обдуманныя, или даже на мѣстѣ соображенныя, и потомъ произнесенныя въ собраніяхъ въ томъ порядкѣ и въ тѣхъ выраженіяхъ, какія сложатся у оратора въ минуту произнесенія. Надобно отдавать должную дань признательности ораторамъ, заранѣе тщательно обрабатывающимъ и пишущимъ рѣчи и произносящимъ ихъ *безъ тетрадки* или листочка въ рукахъ. Вотъ преимущество рѣчей, произносимыхъ такимъ образомъ: Когда говорятъ по тетрадкѣ, то углубленіе въ нее или частое заглядываніе скрываетъ отъ слушателей лице и глаза оратора, въ которыхъ наиболѣе выражаются его внутренняя жизнь и сила одушевленія, — и тѣмъ ослабляютъ впечатлѣніе рѣчи на слушателей. Искусство отчетливаго и сильнаго выраженія мысли въ голосѣ и даже тѣлодвиженіяхъ, гдѣ они нужны, у оратора связывается тѣмъ, что за содержаніемъ рѣчи онъ постоянно долженъ обращаться къ тетрадкѣ

или листку, который онъ иногда вертитъ и мнѣтъ въ своей рукѣ. Чувствуя себя, такимъ образомъ, привязаннымъ къ тетрадкѣ, ораторъ незамѣтно обращается въ чтеца. Все это вредитъ полному вниманію и сочувствію слушателей... Отъ всѣхъ этихъ недостатковъ въ произношеніи рѣчи свободенъ ораторъ, говорящій наизусть: онъ безпрепятственно смотритъ на слушателей во всѣ стороны, вліяетъ на нихъ одушевленіемъ своего лица и глазъ, слѣдитъ за силою впечатлѣнія, наконецъ свободою и отрѣшеніемъ отъ тетрадки онъ обнаруживаетъ силу дарованій и присутствіе духа, не остающихся безъ значенія относительно впечатлѣнія на слушателей. Такіе приемы въ ораторахъ, особенно церковныхъ, весьма желательны. Но при всемъ уваженіи къ рѣчамъ, о которыхъ мы говоримъ, по самому существованію дѣла, мы должны сказать, что это совсѣмъ не то, что называется въ тѣснѣйшемъ смыслѣ живымъ или импровизированнымъ словомъ. Для опытнаго слушателя въ писанной и заученной рѣчи сейчасъ видна кабинетная работа; самая постановка вопроса, опредѣленіе главнаго понятія, раскрытіе частныхъ мыслей, послѣдовательность, гладкая, осмотрипная, безостановочно льющаяся рѣчь—все обнаруживаетъ обдуманность и отдѣланность рѣчи по всѣмъ правиламъ ученыхъ и ораторскихъ сочиненій. И это при всей силѣ впечатлѣнія безсознательно понимается даже простыми слушателями: „ужь очень все складно“ (стр. 29—31). Изъ приведеннаго отрывка, заимствованнаго изъ „живаго слова“ открывается, что достопочтенный авторъ не считаетъ стоящими на высотѣ своего призванія ни тѣхъ ораторовъ или точнѣе—проповѣдниковъ, которые читаютъ свои проповѣди по тетрадкѣ, ни тѣхъ, которые, хотя и произносятъ свои проповѣди безъ тетрадки, наизусть и совершенно свободно, но которые напередъ составляютъ и записываютъ рѣчи, назначаемыя къ произнесенію—и заучиваютъ ихъ на память; служителями живаго проповѣдническаго слова авторъ признаетъ лишь проповѣдниковъ импровизаторовъ, не записывающихъ напередъ своихъ мыслей и разсужденій и не заучивающихъ написаннаго на память, а произносящихъ свои „слова“ экспромтомъ, безо всякихъ предварительныхъ точныхъ записей, лишь обдумавъ напередъ, что именно

нужно сказать, но предоставляя словесное изложеніе мыслей вдохновенію или умственной настроенности, какая овладѣтъ душой и сердцемъ проповѣдника во время самаго произнесенія проповѣди или рѣчи. Авторъ много говоритъ для разъясненія вліянія такого импровизированнаго „слова“ на слушателей, и между прочимъ пишетъ: „такія рѣчи по преимуществу владѣютъ народными массаами. Сильное впечатлѣніе, производимое ими, поддерживаемое молвою, быстро усиливаетъ значеніе ораторовъ въ народѣ, покоряетъ имъ умы, дѣлая ихъ любимыми, такъ что они становятся, какъ говорится, властителями сердець“ (34). Авторъ прекрасно понимаетъ, что плодотворнымъ импровизаторомъ— проповѣдникомъ можетъ сдѣлаться далеко не всякій, желающій быть таковымъ. Съ другой стороны онъ же находитъ, что инымъ ораторамъ, считающимъ себя проповѣдниками-импровизаторами, не слѣдуетъ считать себя, достигающими свои цѣли, импровизаторами— и даже совсѣмъ отказаться отъ этого рода ораторской дѣятельности. Первую изъ сейчасъ указанныхъ мыслей преосвящ. Амвросій формулируетъ такъ: „по отношенію къ силѣ ума импровизаторъ (проповѣдникъ) долженъ непременно обладаетъ *всѣмъ, что требуется отъ даровитаго и основательнаго писателя* и имѣть еще *добавокъ* (въ обоихъ приведенныхъ случаяхъ курсивъ принадлежитъ подлиннику), составляющій его особенный талантъ—живость ума, легкость, удобовижность. Безъ сильнаго и живаго ума не можетъ быть... импровизатора“ (41). А излагая вторую изъ вышеуказанныхъ мыслей нашъ авторъ заявляетъ: „слѣдуетъ замѣтить, что есть люди, у которыхъ много храбрости и смѣлости, при недостаткѣ таланта, а импровизація непременно его требуетъ... Если они говорятъ много и проворно, они легко поддаются искушенію быть импровизаторами на соблазнъ въ храмахъ. Непослѣдовательность и запутанность въ мысляхъ, неточность выраженій, недостатокъ вкуса и чувства приличія въ выборѣ словъ дѣлаетъ этихъ импровизаторовъ людьми опасными въ дѣлѣ служенія церкви. Поэтому по отношенію къ нимъ нужно особенное наблюденіе церковной власти. Можетъ быть, это замѣчаніе, прибавляетъ авторъ, будетъ для кого нибудь и обидно, но въ дѣлѣ такой важности, какъ церковная проповѣдь, не должно быть мѣста никакимъ сторон-

нимъ побужденіямъ, особенно относительно пощады человѣческаго самолюбія“ (65).

Но какъ бы то ни было, и не смотря на исключительность дарованій, требующихся проповѣдническимъ импровизаторствомъ, и несмотря на появленіе проповѣдниковъ—импровизаторовъ, не заслуживающихъ этого имени и отчасти роняющихъ достоинство самого дѣла, достопочтенный авторъ произнесеніе проповѣдей путемъ импровизаціи почитаетъ дѣломъ желаннымъ, — такимъ, совершенства въ которомъ должны добиваться лучшіе современные проповѣдники и въ особенности проповѣдники близкаго будущаго, ибо, по замѣчанію автора, на „молодыхъ и начинающихъ служителей слова возлагаются всѣ наши надежды въ дѣлѣ охраненія православной вѣры и христіанскаго просвѣщенія нашего народа въ наше трудное время“ (57).

Такъ судить русскій знаменитый проповѣдникъ о томъ, что составляетъ наилучшій видъ церковнаго проповѣдованія. Иначе смотритъ на дѣло вышеноименованный нами нѣмецкій авторъ сочиненія: „Приготовленіе проповѣди“—Шустеръ.

Для того, чтобы высказать болѣе убѣдительное рѣшеніе интересующаго его вопроса, Шустеръ хочетъ напередъ собрать голоса какъ со стороны лицъ, которымъ надлежитъ вѣдать науку гомилетическую, такъ и со стороны практиковъ—проповѣдниковъ текущаго времени, и на основаніи преобладающаго большинства этихъ голосовъ рѣшить вопросъ такъ или иначе.

Голосованію подлежалъ ¹⁾ собственно вопросъ: какихъ проповѣдниковъ пужно считать наиболѣе отвѣчающими своей задачѣ—тѣхъ ли, кто проповѣдуетъ, какъ импровизаторъ, или же тѣхъ, кто напередъ записываетъ назначаемую къ произнесенію проповѣдь, заучиваетъ ее, а потомъ уже про-

1) Разумѣется, никто не рѣшится упрекнуть нашего русскаго автора, преосвящ. Амвросія, за то, что съ своей стороны онъ не собралъ голосовъ, которые могли бы уяснить занимающій его вопросъ; потому что авторъ и не могъ этого сдѣлать. На стр. 56 онъ пишетъ: „я выжидалъ, не скажетъ ли кто нибудь изъ трудящихся на этомъ поприщѣ (т. е. импровизаціи) въ печати съ своей стороны на мои мысли какого либо замѣчанія, пополненія и проч. Какъ хотите, а скудно и робко одному человѣку говорить о такой важной отрасли ораторскаго искусства“, но ожиданія его не оправдались; по его словамъ, онъ „мало“ чего дождался

износить ее въ храмѣ? Занимаясь рѣшеніемъ этого вопроса, авторъ совсѣмъ не касается того явленія, когда ораторъ произноситъ свою проповѣдь по тетрадкѣ, ибо на западѣ не существуетъ такого обыкновенія, да и у насъ оно составляетъ прямой абсурдъ.

Ища рѣшенія своего вопроса, авторъ сначала допытывается: какъ думаютъ объ этомъ представители гомилетической науки текущаго времени, т. е. профессора гомилетики и пастырскаго Богословія. Мнѣнія этихъ компетентныхъ людей Шустеръ подводитъ подъ двѣ группы (съ нѣкоторыми неважными подраздѣленіями): одни представители науки въ значительной степени отдають предпочтеніе импровизаціи предъ говореніемъ заранѣе написанной и паизусть выученной проповѣди, считая эту послѣднюю манеру лишь переходною ступенью къ импровизаціи; другіе же представители гомилетической науки болѣе или менѣе рѣшительно склоняются къ той мысли, что никогда не нужно оставлять обыкновенія произносить проповѣди лишь напередъ составленныя и твердо заученныя для говоренія ихъ предъ слушателями въ храмѣ.

Разсуждая о первой группѣ специалистовъ дѣла, авторъ пишетъ: „знаменитые академическіе наставники практическаго Богословія рекомендуютъ молодымъ духовнымъ лицамъ письменное изложеніе проповѣди, какъ дѣло подчиненнаго значенія, какъ нѣчто такое, что со временемъ должно покинуть. Только начинающіе, по ихъ воззрѣнію, должны напередъ письменно излагать мысли, имѣющія войти въ составъ назначенной къ произнесенію проповѣди. Такъ нужно поступать 10—15 лѣтъ, пока духовное лицо вполне не освободится отъ необходимости записывать свои мысли, и не станетъ довольствоваться простымъ внутреннимъ размышленіемъ, какъ подготовленіемъ къ проповѣди“ (S. 5). Къ представителямъ этого воззрѣнія, какъ сообщаетъ Шустеръ, принадлежатъ Питчъ, Печвитцъ, Фанъ-Остерзе, Гарнакъ (Теодоръ). Эти ученые, какъ говоритъ авторъ, „предоставляютъ проповѣднику во второй стадіи его (проповѣдническаго) развитія великую свободу движенія, творчество въ минуту самаго проповѣданія: они находятъ уже достаточнымъ для него нѣкоторое предварительное размышленіе о содержаніи проповѣди въ ея цѣломъ, при чемъ самая

форма, въ какую должны облечься мысли, выборъ отдѣльныхъ ораторскихъ оборотовъ, переходы, и вообще всѣ частности словоизложенія предоставляются изобрѣтательности проповѣдника, какъ съумѣетъ онъ это сдѣлать въ моментъ самаго произнесенія рѣчи. Эти ученые теологи или совсѣмъ не требуютъ того, чтобы проповѣдникъ раньше момента самой проповѣди до послѣднихъ деталей обдумалъ формулировку ея,—или же обходятъ этотъ вопросъ молчаніемъ“ (19). Для того, чтобы познакомить читателя съ тѣмъ, какъ именно разсуждаютъ указанные авторитетные специалисты, авторъ приводитъ многіе отрывки изъ ихъ специальныхъ сочиненій. Мы съ своей стороны удовольствуемся одной подобной выдержкой. Одинъ изъ представителей разбираемой группы говоритъ: „Если спросятъ: точное заминаніе записаннаго нужно ли рекомендовать какъ лучший способъ проповѣдничества, то отвѣтъ на вопросъ слѣдуетъ обставить нѣкоторыми ограниченіями. Несомнѣнно, что кто хочетъ стремиться къ совершенству (въ проповѣднической дѣятельности), тотъ долженъ начинать и какъ можно дальше держаться указаннаго правила. Но съ другой стороны, надлежитъ мало по малу давать себѣ больше свободы на каедрѣ, менѣе придерживаться составленной записи и позволять себѣ въ томъ, что и какъ написано—индѣ прибавлять, а индѣ убавлять. Молодой проповѣдникъ научается этому лучше всего въ томъ случаѣ, если будетъ записывать въ общихъ чертахъ сначала небольшую часть проповѣди (при чемъ предполагается, что вся остальная проповѣдь написана по всѣмъ правиламъ литературнаго искусства), а затѣмъ нѣсколько болѣшую—предоставляя въ такихъ случаяхъ болѣе подробное изложеніе въ общихъ чертахъ записаннаго тому моменту, когда будетъ произноситься рѣчь. Если такія пробы удаются, то ихъ слѣдуетъ повторять, удлиняя размѣръ отдѣловъ проповѣди, изложенныхъ лишь въ общихъ чертахъ. Наконецъ проповѣдникъ—но послѣ того, какъ онъ нѣсколько лѣтъ писалъ и заучивалъ проповѣди—можетъ осмѣлиться говорить экспромтомъ, напередъ, конечно, самымъ заботливымъ образомъ обдумавши планъ рѣчи,—и какъ-бы расправивъ широкія крылья безпрепятственно устремляться къ небесамъ. Мужу и отцу во Христѣ

можетъ быть позволено то, въ чемъ еще слѣдуетъ отказывать человѣку молодому“ (S 23).

Вторая группа ученыхъ специалистовъ по вопросамъ гомилетики судить иначе, чѣмъ представители сейчасъ указанной группы. Эти специалисты, по словамъ Шустера, „выставляютъ требованіе, чтобы буквальное записываніе проповѣдей въ полномъ ихъ объемѣ оставалось всегдашнимъ правиломъ дѣятельности духовнаго лица, отъ начала этой дѣятельности до ея конца“ (38). Само собой предполагается, что написанная проповѣдь должна быть заучена предъ тѣмъ, какъ ее произносить. Представителями указанного гомилетическаго воззрѣнія Шустеръ называетъ слѣдующихъ ученыхъ: Кестера, Клауса Гармса, Алекс. Швейцера, Винс, Отто, Гепке, Бекка, Ахелиса. Авторъ заботливо собираетъ въ своей книгѣ мнѣнія, выраженные этими лицами. Мы съ своей стороны приведемъ лишь одно мнѣніе, мнѣніе Ахелиса, выраженное имъ въ сочиненіи: „практическое богословіе“, и особенно цѣнимое Шустеромъ, какъ самое новое (книга Ахелиса появилась въ 1890 г.). Вотъ что говоритъ Ахелисъ: „Само собой понятно, что есть исключительно одаренныя личности, которымъ достаточно основательнаго размышленія для приготовленія къ проповѣди. Но напрасно (falsch) было бы такую индивидуальную способность считать чѣмъ-то высшимъ (als die höhere) и самый способъ приготовленія объявлять чѣмъ-то нормальнымъ и идеальнымъ. Въ этомъ случаѣ мы встрѣчаемся съ явленіемъ не нормальнымъ (abnorm), такъ какъ оно влечетъ за собой немалыя опасности. Указанная способность и соответствующій ей способъ приготовленія преимущественно встрѣчаются у натуръ, нуждающихся въ чувственномъ (?) возбужденіи, чтобы во время произнесенія проповѣди воспроизводить (produzieren) нужныя мысли. Такой проповѣдникъ на первыхъ порахъ очень тщательно обдумываетъ свои проповѣди и самые обороты, какіе ему будутъ нужны, а потомъ скоро начинаетъ довольствоваться приготовленіемъ въ мысли лишь самаго общаго плана, потому что *само проповѣданіе* рождаетъ мысли; и вотъ обдумываніе проповѣди мало по малу оставляется, пока несчастная импровизація не сдѣлается концемъ всякаго развитія проповѣднической дѣятельности и концемъ всякаго назиданія прихожанъ. Способомъ приго-

товленія проповѣди, соотвѣтствующимъ психологическому закону, важности дѣла и нормальнымъ способностямъ, долженъ быть признанъ лишь такой: нужно тщательно излагать проповѣдь письменно“ (67).

Нѣкоторые изъ нѣмецкихъ проповѣдниковъ увлекались прежде примѣромъ знаменитаго Шлейермахера, который не писалъ своихъ проповѣдей, а довольствовался основательнымъ размысленіемъ о томъ, какія мысли онъ хотѣлъ бы развить, и о самомъ словоизложеніи, какое имѣлось въ виду дать этимъ мыслямъ; при чемъ этотъ ораторъ говаривалъ, что онъ не хочетъ напередъ излагать свои мысли, такъ какъ не хочетъ „отдавать себя тиранніи писанной буквы“. Но Крауссъ, авторъ „учебника по гомилетикѣ“ говорилъ: „*къ сожалѣнію*, многіе проповѣдники избирали Шлейермахера своимъ образцомъ, не имѣя однакожь его желѣзнаго прилежанія въ изготовленіи проповѣди. Если мы станемъ вполнѣ слѣдовать его способу приготовленія проповѣди, то увидимъ, что этотъ способъ гораздо болѣе интенсивенъ и гораздо труднѣе, чѣмъ письменное изложеніе проповѣди. Больше всего подражателей Шлейермахера соблазняетъ то, что при пользованіи его способомъ меньше требуется времени и меньше тратится труда. Но вѣдь только немногіе люди обладаютъ такою великою добросовѣстностію, чтобы по примѣру Шлейермахера, не прибѣгая къ записыванію, умѣть создавать проповѣдь такъ опредѣленно и такъ полно; еще меньше встрѣчаемъ людей, которые отъ природы одарены такими же способностями; а соединеніе добросовѣстности съ подобными способностями приходится встрѣчать и еще рѣже (11. 15).

Такъ разсуждаютъ ученые нѣмецкіе спеціалисты по вопросу, поднятому Шустеромъ. Вообще ихъ мнѣнія нельзя признать рѣшающими вопросъ, такъ какъ одни изъ этихъ ученыхъ говорятъ одно, а другіе другое. Въ виду этого разсматриваемый авторъ рѣшился на очень оригинальный поступокъ: онъ обратился за разрѣшеніемъ вопроса къ современнымъ нѣмецкимъ проповѣдникамъ. Обращеніе автора къ этимъ послѣднимъ не осталось безъ результата. Они дали соотвѣтствующій отвѣтъ на вопросъ. Вышло что-то въ родѣ рѣшенія вопроса путемъ публичнаго голосованія. Если мы повѣримъ автору, то должны будемъ признать,

что „вліятельнѣйшіе современные (нѣмецкіе) проповѣдники, на основаніи собственнаго ихъ опыта и опыта другихъ лицъ, являются защитниками мнѣнія, что прежде произнесенія проповѣди ее слѣдуетъ писать“ (55).

Приведемъ собственные слова тѣхъ проповѣдниковъ, къ которымъ обращался авторъ и которые почтили его своимъ отвѣтомъ. Разумѣется, мы удовольствуемся немногими примѣрами. Президентъ высшаго церковнаго совѣта въ Шверинѣ Клифотъ пишетъ автору: „въ теченіе всего того времени, какъ я являлся проповѣдникомъ, т. е. до 70 лѣтъ моей жизни, я всегда сполна излагалъ на бумаги свои проповѣди. И по сейчасъ я считаю такой способъ изготовленія проповѣди единственно правильнымъ. По моему сужденію, проповѣдованіе на основаніи лишь предварительнаго размышленія безусловно приводитъ—если только проповѣдникъ не представляетъ собою человѣка, обладающаго совершенно необычнымъ богатствомъ ума—приводитъ съ теченіемъ времени къ пустомельству и вѣчнымъ повтореніямъ“. Авторъ при этомъ замѣчаетъ, что онъ придаетъ особенный вѣсъ свидѣтельству Клифота, потому что въ продолженіе многихъ лѣтъ онъ считался мастеромъ (синтетической) проповѣди (56).—Придворный проповѣдникъ Э. Фроммель, по сообщенію автора, выражается о дѣлѣ слѣдующимъ образомъ: „я послѣдовалъ совѣту престарѣлаго священника: прежде чѣмъ не напишешь тысячи проповѣдей, не рѣшайся ни одной проповѣди произносить на основаніи только размышленія; и я думаю, что онъ правъ. Кто въ священномъ мѣстѣ во имя Божіе возвѣщаетъ Слово Божіе, тотъ отвѣчаетъ за каждое слово. Хоть я, конечно, не соглашусь съ Понтиемъ Пилатомъ, тѣмъ не менѣе раздѣляю одно его воззрѣніе: „сже писахъ, писахъ“.—Младшій братъ этого проповѣдника, Максъ Фроммель, генеральсуперинтендентъ, вотъ что писалъ автору относительно своей проповѣднической дѣятельности: „начиная съ тридцати пяти лѣтъ я рѣшился вполне записывать каждую проповѣдь, хотя мнѣ было бы петрудно, на основаніи напередъ составленнаго конспекта, въ которомъ помѣчены были бы всѣ главныя мысли, говорить въ видѣ импровизаціи“. Въ одной книгѣ того же Фроммеля, гдѣ онъ описываетъ свои житейскія приключенія, авторъ нашелъ такой разсказъ: „хоро-

шее дѣло—излагать проповѣдь письменно; она выигрываетъ при этомъ со стороны соразмѣрности и вѣса, предохраняется отъ повтореній и общихъ мѣстъ, она становится удачнѣе въ примѣненіи, точнѣе въ выраженіяхъ и сжатѣе въ строеніи. Къ Клаусу Гармсу разъ пришелъ одинъ проповѣдникъ и сказалъ ему: „не правда-ли, г. Пробстъ, вы ужъ не пишете теперь больше проповѣдей? Я самъ, когда былъ молодымъ проповѣдникомъ, то писалъ проповѣди, но теперь Духъ св. внушаетъ мнѣ, что нужно говорить“. Гармсъ, человѣкъ отличавшійся огненнымъ языкомъ, отвѣчалъ на это: „Всѣ свои проповѣди я еще пишу. Только однажды въ жизни я не сдѣлалъ этого. Тогда Духъ Св. сказалъ мнѣ на церковной каедрѣ: „Клаусъ, Клаусъ, ты лѣвивецъ“. Кромѣ этого Духъ Св. ничего не сказалъ мнѣ“ (57—58).—Пасторъ Мюнкель въ Ганноверѣ въ слѣдующихъ чертахъ писалъ автору относительно интересующаго его вопроса: „цѣлый рядъ годовъ я писалъ свои проповѣди, выучивалъ ихъ наизусть и потомъ произносилъ, пока головная хроническая боль не лишила меня возможности писать и заучивать написанное. Заучиваніе требовало отъ меня не менѣе десяти часовъ времени и усиливало болѣзнь. Я рѣшился ограничиться предварительнымъ тщательнымъ размышленіемъ: мнѣ свободная рѣчь вполне дается. Но такъ какъ способности нашихъ проповѣдниковъ не велики, то импровизированную проповѣдь, на основаніи предварительнаго размышленія, я считаю несчастіемъ. Терніе и волчцы появляются на каедрѣ, и самые наиболѣе одаренные проповѣдники не выдерживаютъ послѣдовательности въ мысляхъ и примѣшиваютъ посторонніе предметы“ (59).—Пробстъ и оберконсистоціальратъ Брюкнеръ въ Берлинѣ объясняется касательно дѣла такъ: „по моему возрѣнію все сводится къ тому, чтобы проповѣдникъ, прежде чѣмъ начать говорить съ каедръ, точно, т. е. буква въ букву зналъ, что онъ скажетъ прихожанамъ. Отступать отъ этого правила въ томъ смыслѣ, чтобы проповѣдникъ отдавалъ себя вдохновенію минуты, по моему мнѣнію, значить то-же, что искушать Бога. Вообще же для людей молодыхъ, не желающихъ сдѣлаться болтунами—самое лучшее стоять въ зависимости отъ написаннаго“ (59).—Главный придворный проповѣдникъ и генеральсуперинтендентъ Кёгель въ Берлинѣ

писалъ автору: „ваше мнѣніе, что я записываю и заучиваю, совершенно вѣрно. Всѣ проповѣди я записываю буквально. Никто столько не грѣшитъ, пользуясь божественнымъ и человѣческимъ словомъ, какъ духовное лицо“.— Генеральсуперинтендентъ Дюстельдикъ въ Ганноверѣ въ 1888 г., 13 августа, такъ отвѣчалъ въ письмѣ Шустеру: „только послѣ многолѣтняго писанія проповѣдей талантливый проповѣдникъ можетъ говорить съ кафедръ, не заноса на бумагу своей рѣчи. Но и такому проповѣднику слѣдуетъ рекомендовать, какъ можно чаще, предварительно записывать его проповѣди; это—спасительная дисциплина и занятіе. Возраженіе, что будто письменно изложенная рѣчь произносится потомъ не такъ свѣжо и живо—совершенно несправедливо“ (60—61). Но довольно примѣровъ.

На основаніи тѣхъ голосовъ, которые удалось собрать Шустеру отъ современныхъ нѣмецкихъ проповѣдниковъ, онъ приходитъ къ тому выводу, что предварительное буквально записываніе проповѣди, рекомендуемое частію ученыхъ специалистовъ настырскаго богословія и гомилетики, въ настоящее время все болѣе и болѣе входитъ въ практику, при чемъ въ этомъ случаѣ поучительный примѣръ подають большинство замѣчательныхъ духовныхъ лицъ, проходящихъ практически церковныя должности.

Самъ авторъ разсматриваемаго нѣмецкаго сочиненія, безо всякихъ оговорокъ, склоняется въ пользу сейчасъ указанной практики и неодобрительно отзывается о проповѣди импровизированной.

Вотъ мысли Шустера объ этомъ. Въ импровизаціи онъ находитъ слѣдующіе недостатки. При этомъ способѣ проповѣдованія ясное раскрытіе мыслей часто нарушается. Мысли, которымъ надлежитъ дать мѣсто въ проповѣди приходятъ на умъ или слишкомъ рано, или слишкомъ поздно. Широковѣщательность и повторенія неизбежны. Предѣлы времени, назначаемого для проповѣди, не соблюдаются. Если проповѣдь произносится безъ предварительнаго письменнаго ея изложенія, то ораторъ, начиная развивать свои мысли, не всегда находитъ соответствующія слова для ихъ выраженія; встрѣчаются моменты, когда ораторъ занятъ лишь тѣмъ, чтобы какъ-нибудь подыскать нужную форму для его мыслей. При такомъ отыскиваніи надлежащей формы

пускаются въ ходъ фразы, тавтологія; рѣчь иногда испещряется неумѣстными иностранными словами, научными, техническими, книжными оборотами: все это остается непонятнымъ для зауряднаго слушателя; попадаютъ на языкъ оратора выраженія, чуждыя благородства; въ самыхъ патетическихкихъ мѣстахъ проповѣди часто рѣчь запутывается, становится неясной, и проповѣдь чѣмъ дальше, тѣмъ больше впадаетъ въ тривіальность и банальность. Слѣдя главнымъ образомъ за порядкомъ теченія мыслей, проповѣдникъ не имѣетъ возможности заботиться объ отдѣльныхъ выраженіяхъ, въ какія вкладывается содержаніе рѣчи. Ему недостаетъ времени и возможности слѣдить за внѣшней стороною проповѣди и избѣгать многочисленныхъ недостатковъ, вслѣдствіе которыхъ дѣйствіе проповѣди на слушателей очень ослабляется, проповѣдь даже становится просто непонятною. Община, которой приходится слушать такого проповѣдника, вмѣсто пазиданія лишь соблазняется. Вредъ отъ такой проповѣди для слушателей весьма великъ.

Отзываясь неодобрительно объ импровизаціи, Шустеръ восхваляетъ обыкновение произносить проповѣдь написанную и заученную наизусть. Онъ находитъ въ такой проповѣди всѣ тѣ качества, которыя отличаютъ хорошо составленную статью или разсужденіе. Опытъ учить, — говорить авторъ, цитируя слова одного авторитетнаго писателя, — что старательно обдуманныя мысли находятъ себѣ соотвѣтствующее выраженіе только въ томъ случаѣ, если онѣ перешли на бумагу. Часто при этомъ замѣчается, что мысли, казавшіяся намъ прекрасными, лишь только мы ихъ изложимъ на бумагѣ, оказываются негодными, не имѣющими той связности, какую мы имъ приписывали. Недостатокъ логической послѣдовательности лучше всего узнается путемъ изложенія нашихъ мыслей; записывая ихъ, проповѣдникъ можетъ увидать, что въ головѣ его сложилась проповѣдь, нуждающаяся въ коренной переработкѣ. Съ другой стороны, если проповѣдникъ начинаетъ излагать письменно свои мысли, то при такомъ способѣ приготовленія проповѣди, легко рождаются новыя, неожиданныя мысли и т. д. Такого рода проповѣдь, по сужденію Шустера, приноситъ наибольшую пользу для слушателей.

Указавъ преимущества написанной и заученной для про-

изнесенія проповѣди предъ импровизированной проповѣдью, тотъ же авторъ не мало говоритъ о вредѣ импровизаціи для развитія пастыря, какъ проповѣдника. Какъ много духовныхъ лицъ, отрѣшившись отъ записыванія проповѣди, увлеклись собственнымъ даромъ краснорѣчія, — пишетъ Шустеръ, — а въ результатѣ получилось вотъ что: они далеко не достигли той степени совершенства въ области проповѣди, на какую можно было рассчитывать, принимая во вниманіе ихъ прекрасныя дарованія. вмѣсто того, чтобы идти впередъ, становясь все болѣе и болѣе достойными проповѣдниками, они чѣмъ дальше, тѣмъ больше пятились назадъ, растеривая свои проповѣдническія качества. Иные импровизаторы проповѣдники доходили до того, что они съ теченіемъ времени, лишь съ величайшимъ трудомъ въ состояніи были излагать письменно проповѣди или даже совсѣмъ лишились способности хорошо писать проповѣди, если въ этомъ открывалась нужда для нихъ. Нѣкоторые изъ проповѣдниковъ импровизаторовъ въ виду сейчасъ указанной опасности, хотя и обладали даромъ превосходно импровизировать, потомъ возвращались къ обыкновенію предварительно записывать свои проповѣди. Шустеръ находилъ, что искушенію проповѣдывать безъ предварительнаго записыванія, путемъ импровизаціи, въ особенности подвергаются молодыя духовныя лица, которыя поддавшись искушенію, начинаютъ въ проповѣдяхъ сыпать фразами, широкорѣчателъствуютъ, бесконечно повторяются. „Вполнѣ понятна, замѣчаетъ нашъ авторъ, та анаеема, которую произнесъ престарѣлый главный придворный проповѣдникъ Либнеръ на пастырской конференціи въ Шенефельдѣ, сказавъ: *Verflucht sei Jeder, der hinfort extemporiert!*“¹⁾ (S. 33—34; 63—64 и друг.).

Мы ознакомили читателя съ нѣкоторыми сторонами произведенія нашего талантливѣйшаго проповѣдника преосв. Амвросія, и въ параллель съ этимъ сообщили свѣдѣнія о небезынтересной книгѣ нѣмецкаго писателя Шустера. Оцѣнивать критически мысли, заключающіяся въ этихъ двухъ сочиненіяхъ, мы не намѣрены, потому что для всесторонней оцѣнки этихъ мыслей надлежитъ обладать большей опыт-

¹⁾ „Проклятъ всякъ, кто станетъ импровизировать!“.

ностию и знаніями, чѣмъ какія имѣеть пишущій эти строки. Въ самомъ дѣлѣ, для того, чтобы составить вѣрное сужденіе о спорномъ предметѣ, нужно взять во вниманіе слѣдующее: психологическую сторону вопроса, законы словеснаго искусства и интересы церковно-богослужебной практики; но обо всемъ такомъ можетъ быть рѣчь въ отдѣльной книгѣ, а не въ небольшой замѣткѣ. Достаточно будетъ отмѣтить одинъ фактъ: практики-проповѣдники въ рѣшеніи, повидимому, непосредственно очевидныхъ вопросовъ, могутъ расходиться между собой такъ же далеко, какъ и завзятые теоретики при рѣшеніи сложныхъ отвлеченныхъ проблеммъ.

Впрочемъ мы не находимъ, чтобы двое разсматриваемыхъ нами авторовъ, по своимъ воззрѣніямъ, представляли непримиримую противоположность. Они разошлись въ рѣшеніи вопроса, кажется, главнымъ образомъ, потому, что смотрѣли на задачу съ точки зрѣнія той среды, въ которой они вращаются. Извѣстно, какое мѣсто въ практической дѣятельности нѣмецкаго пастора занимаетъ проповѣдь. Проповѣдь—главная часть воскреснаго богослуженія у протестантовъ. Поэтому, естественно къ ней можно предъявлять значительныя требованія: она должна быть образцовымъ и протяженно сложеннымъ произведеніемъ, произносимымъ съ каеедры. Жизнь нѣмецкаго духовнаго лица слагается такъ, что оно имѣеть много времени хорошо обдумать проповѣдь, искусно ее изложить, твердо-натвердо ее же заучить: пасторъ имѣеть возможность на одно заучиваніе проповѣди тратить *десятокъ* часовъ ¹⁾. И это понятно: въ будничное время этому духовному лицу почти нечего дѣлать: оно не обременено т. называемыми церковными требами и ежедневнымъ богослуженіемъ. Такъ ли у насъ—въ русской православной церкви? Пастыри православной русской церкви совсѣмъ не располагають въ такой мѣрѣ свободнымъ временемъ, какъ пасторы протестантскіе. Послѣдніе могутъ, какъ мы видѣли выше, по десяти часовъ употреблять на одно заучиваніе своей проповѣди, т. е. цѣлый день, ибо отдаваться умственному труду, какъ извѣстно, болѣе десяти часовъ въ день рѣдко кто въ состояніи; они же день, а

¹⁾ См. выше слова Мюнхеля.

можетъ быть и больше, безпрепятственно могутъ заниматься письменнымъ изложеніемъ и обработкой извѣстной проповѣди; притомъ же, быть можетъ, еще день они тратятъ, не вредя своимъ обязанностямъ, на обдумываніе темы, на чтеніе подходящихъ къ ней книгъ, на справки съ библейскимъ текстомъ. Ничего такого дѣлать наши священники (да и архіереи, полагаю, то же) не въ состояніи: ихъ многообразныя церковныя обязанности берутъ у нихъ значительное количество времени, и у нихъ не остается досуга для спокойнаго и неразвлеченнаго многодневнаго занятія одною и той-же проповѣдію. Въ виду этого, импровизированныя, но конечно, очень короткія проповѣди (отъ 5 до 10 минутъ), для нашихъ священниковъ, пожалуй, удобнѣе и сподручнѣе, чѣмъ отдѣланныя, написанныя и заученныя проповѣди протестантскихъ пасторовъ. Но только нельзя не сознаться, что и для произнесенія короткихъ импровизированныхъ проповѣдей нуженъ и навыкъ, и усердіе, и—талантъ. Пожелаемъ, чтобъ такого рода импровизированная проповѣдь водворилась въ нашей церкви, и чтобъ авторъ „Живаго Слова“ съ его идеалами и стремленіями нашель себя живое сочувствіе и живой откликъ въ тѣхъ, къ кому обращено его слово.

Этимъ скромнымъ благожеланіемъ однакожь мы не хотѣли бы заканчивать своей статьи. Намъ кажется, что было бы хорошо, если бы и проповѣдь протестантскаго характера, т. е. проповѣдь зрѣло обдуманная, искусно изложенная и потомъ заученная авторомъ, проповѣдь не краткая нашла себѣ въ средѣ нашего духовенства лицъ сочувствующихъ, готовыхъ не жалѣть на ея изготовленіе ни времени, ни труда. Вѣдь, не все наше духовенство такъ обременено требоисправленіемъ и такъ мало имѣетъ свободнаго времени, какъ большинство приходскихъ священниковъ. Такъ называемое ученое монашество, законоучители высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній, т. н. соборное духовенство, священники не большихъ, но обезпеченныхъ приходо въ столицахъ и большихъ городахъ—всѣ эти лица, кажется, не лишены возможности найти не только время для изготовленія проповѣди разсматриваемаго нами типа, но и пайти и *время* и *мѣсто* для ея произнесенія. Да если бы и встрѣтились какія либо препятствія къ осу-

щественію сейчасъ выраженной мысли — со стороны перече-
 численныхъ нами лицъ; дѣлу еще помочь можно. Стоитъ
 только создать институтъ специальныхъ проповѣдниковъ,
 служащихъ лишь проповѣданію слова Божія—проповѣдни-
 ковъ, нарочито обязанныхъ изготовлять проповѣди какого
 бы то ни было типа: такія ли, о какихъ мы теперь гово-
 римъ, или импровизированныя — будутъ ли эти послѣднія
 пространными или не пространными. Если не ошибаемся,
 была когда-то попытка создать подобный институтъ. Классъ
 такъ называемыхъ „соборныхъ іеромонаховъ“, — по своему
 первоначальному назначенію—имѣлъ быть рассадникомъ луч-
 шихъ, образованнѣйшихъ и привычныхъ проповѣдниковъ.
 Изъ этой попытки, какъ извѣстно, почему-то ничего не
 вышло. Самый титулъ: „соборный іеромонахъ“ въ настоящее
 время сдѣлался пустымъ звукомъ, почетнымъ, но безсодер-
 жательнымъ отличіемъ. Но почему бы не подумать снова
 о созданіи института проповѣдниковъ въ нашей церкви?
 Это не было бы какимъ нибудь новшествомъ. Нѣтъ, это
 было бы возвращеніемъ къ достопочтеннымъ преданіямъ и
 завѣтамъ блестящаго періода въ исторіи христіанской церкви.
 Въ IV христіанскомъ вѣкѣ, этомъ „золотомъ“ вѣкѣ, какъ
 его называютъ — пастырь практикъ составлялъ отдѣльное
 лицо отъ пастыря - проповѣдника. Историкъ Евсевій въ
 „жизни Константина“ (кн. IV, гл. 45), описывая совер-
 шеніе одного праздниства въ его время, пишетъ: Одни
 „служители Божіи въ торжественныхъ своихъ бесѣдахъ о
 божественныхъ догматахъ предлагали слуху всѣхъ трапезу
 умственной пищи; изъясняли Божественное Писаніе и рас-
 крывали таинственныя его созерцанія. *Другіе, бывъ не въ
 состояніи идти симъ путемъ*, умилоствляли Бога без-
 кровавыми жертвами и таинственными священнодѣйствіями,
 возносили къ Нему молитвы“. Церковная исторія знаетъ и
 примѣры, принадлежащіе къ этому вѣку и свидѣтельствую-
 щіе, что дѣйствительно въ нѣкоторыхъ важнѣйшихъ церк-
 вахъ священно-проповѣдники составляли особый классъ,
 отличный отъ класса священнослужителей. Такъ было въ
 Антиохійской церкви. Здѣсь по свидѣтельству св. Іоанна
 Златоуста, въ священно-проповѣдники избирались люди
 образованнѣйшіе, а въ священнослужители люди не блестя-
 шіе образованіемъ. Онъ говоритъ: „И теперь необразо-

ваннымъ изъ священниковъ поручаемъ мы должность крестить (т. е., значить, вообще совершать требы, выражаясь нашимъ языкомъ), а учительство (*τὸ διδάσκαλιον*) поручаемъ умнѣйшимъ“ (*σοφωτέροις*). Если самъ Златоустъ пріялъ санъ пресвитера въ Антиохіи, то это значить только, что онъ взялъ на себя „собственно званіе проповѣдника“, ¹⁾ или священно-проповѣдника, съ устраненіемъ отъ многоразличныхъ обязанностей, соединенныхъ съ положеніемъ простаго священнослужителя.

Возстановленіе у насъ древняго института священнопроповѣдниковъ, полагаемъ, могло бы быть полезно въ двоякомъ отношеніи: оно подняло бы проповѣдничество и создало бы наилучшихъ церковныхъ ораторовъ,—это съ одной стороны; но оно сдѣлалось бы наивѣрнѣйшимъ способомъ препобѣдить штундизмъ, который, по увѣренію нѣкоторыхъ, широко распространился въ нашемъ народѣ, штундизмъ, сила котораго въ значительной мѣрѣ основывается на „учительности“ вожаковъ этой секты.

N. N.

ВЫШЛА НОВАЯ КНИГА

М. Т А Р Ъ Е В А:

Искушенія Богочеловѣка, какъ единый искупительный подвигъ всей земной жизни Христа, въ связи съ исторіею дохристіанскихъ религій и христіанской церкви. М. 1892 г. Ц. 2 р. 50 к., съ уступкою 20% для всѣхъ, выписывающихъ непосредственно отъ автора, и 40% для учителей и учениковъ духовно-учебныхъ заведеній. Адресъ: Псковъ, Духовная Семинарія.

¹⁾ Филаретъ, архіеп. Черниговскаго: „Ученіе объ отцахъ церкви“. Томъ II, стр. 259—260 (здѣсь же приведены и относящіяся къ дѣлу цитаты изъ Златоуста). Петерб. 1859.